

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 57 (908)

Воскресенье, 17 ноября 1940 г.

Цена 30 коп.

Лев Толстой

Среди писателей всех времен и всех народов немного найдется таких имен, которые можно было бы сравнить с именем Льва Толстого. По размаху своей шестидесятилетней деятельности, по силе своего дарования, по значению созданных произведений Толстой почти не знает соперников. Недаром, заговорив с Горьким о Толстом, Ленин сказал:

«Кого в Европе можно поставить рядом с ним?»

Сам себе ответил:

«Некого».

В словах Ленина звучала гордость за Толстого, за русскую литературу, прославившую его именем. Для Ленина Толстой был олицетворением неисчерпаемых духовных сил русского народа, его здоровья, силы и энергии. За колоссальной фигурой гениального художника Ленин видел творческую мощь породившего его народа.

Есть глубокий исторический смысл в том, что в новейшей литературе о Толстом лучшие страницы принадлежат Ленину и Горькому. Разве не говорит это о том исключительном значении, которое придавали творчеству Толстого величайшие люди нашего времени? Великий вождь пролетарской революции дал классический анализ произведений Толстого; он увидел в них художественный памятник целой исторической эпохи, громадной полосы русской жизни, когда складывались и вызревали движущие силы первой русской революции. Ленинские статьи о Толстом являются образцом марксистского анализа литературных явлений. Они навсегда сохраняют значение руководящих документов для советской критики и литературоведения.

Горький, основоположник социалистической литературы, оставил непревзойденный портрет Толстого — гения русского искусства. Этот портрет, сделанный рукой мастера, позволяет нам живо ощутить все богатство творческой личности Толстого, близко прикоснуться к его внутреннему миру.

В статье «Л. Н. Толстой», написанной тридцать лет назад, через несколько дней после смерти писателя, Ленин как бы подвел итог его творческой деятельности, дал ее глубочайшую характеристику. Диалектическое сопоставление великого художника с особенностями русской революции помогло Ленину ярким светом осветить противоречия и закономерности творчества Толстого.

Толстой, — писал Владимир Ильич, — «сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа, главным образом, к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость».

Как видим, Ленин рассматривает произведения Толстого-художника в органическом единстве с его философско-политическими идеями, находя и в том и в другом отражение сильных и слабых сторон русской революции. Ленин не делит Толстого механически на две части; он анализирует деятельность писателя, как единое целое, вскрывая пронизывающие его противоречия.

Истинно художественное произведение возникает на основе исторически справедливых идей, на основе общественно-прогрессивного мировоззрения. Если писатель, в целом далекий от революции, создает прогрессивное произведение, то это значит, что в мировоззрении писателя есть такие элементы, которые помогают ему правильно понять действительность и правильно изобразить ее — вопреки тем отсталым чертам, которые притупляют и искажают его художественное зрение.

Художническая честность Толстого, его страстные поиски правды жизни, его стремление к полнокровному реалистическому познанию мира идут от лучших сторон его мировоззрения. Толстой — великий реалист и суровый обличитель. Можно ли представить себе, что та сокрушительная критика, которой он подвергал в своих произведениях устои самодержавно-крепостнического государства, не была связана с его ненавистью к самодержавию, к правящим классам, с его любовью к народу и тягой к народной жизни? Отражая сильные стороны крестьянского массового движения, страстный протест крестьянства против векового угнетения, Толстой, по словам Ленина, «сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел поднять до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе».

Уже в самых первых произведениях Толстого поставлены тревожные вопросы об исторической роли дворянства, о социальной несправедливости, о постыдной жизни верхов общества, основанной на чужом труде и угнетении большинства. В дальнейшем эти вопросы все больше и больше волновали писателя. Острая ломка

патриархального уклада в пореформенной России «обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его мировосприятия. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России. — он поврал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их...» (Ленин).

Но вместе с гневом и ненавистью, вместе с искренностью и бесстрашием Толстой перенес в свою критику и крестьянское отчуждение от политики, «мистицизм, желание уйти от мира, «депривационное злу», бессильные проклятия по адресу капитализма...» (Ленин). Эти реакционные черты толстовской философии отражали незрелость крестьянского движения, еще не знавшего настоящих путей борьбы, еще не руководимого последовательно революционным рабочим классом.

Слабые стороны взглядов Толстого, давно осужденные историей, мешали Толстому-художнику, ограничивали его восприятие мира, вносили фальшивые ноты в его трезвое и мудрое изображение жизни. Даже могучий талант изменял писателю, когда он попадал под власть отвлеченных теорий и пытался подчинить им внутреннюю логику своих образов. Недаром такой чуткий художник, как Чехов, находил, что в «Воскресении» — «самое неприятное — это все, что говорится об отношениях Нехлюдова к Катюше, и самое интересное — князь, генерал, тетушки, мужики, арестанты, смотрители. Сцену у генерала, комеданта Петропавловской крепости, спирита, я читал с замрзанием духа — так хорошо!»

Художественные шедевры Толстого созданы в борьбе с его философскими заблуждениями, вопреки им. Сила художника так велика, что перед яркостью реалистических описаний, перед его поразительным умением воссоздавать живую жизнь отступают далеко на задний план все его моралистические поучения. Глубоко прав был Горький, писавший, что художественные произведения Толстого, «написанные со страшной, почти чудесной силой, — все его романы и повести — в корне отрицают его религиозную философию». Проводевший христианского смирения, возмеченная в уста Нехлюдова, беднел рядом с потрясающим изображением народного горя, трагической судьбы женщины.

Необытный гений Толстого создал произведения, которые «всегда будут ценными и читаемы массами» (Ленин). В этих произведениях нашли воплощение и картины героической истории русского народа, и процесс развития нашего общества, и тончайшие движения человеческой души, и лирика русской природы. «Толстой — это целый мир», — говорит Горький. Толстой в совершенстве владел тайной искусства, которая мешает нам в истинно гениальных творениях найти точную грань между искусством и жизнью, между истиной и вымыслом. Он умел покорять людей силой своей фантазии, так рисовать человеческие характеры, что его герои живут в нашем сознании вполне реальной жизнью. С изумительной свободой, смелостью мастера и новатора Толстой владел богатствами родного языка.

Влияние Толстого на все дальнейшее развитие русской, и в том числе советской, литературы огромно. Однако вряд ли нужно отыскивать это влияние в отдельных художественных приемах того или иного писателя, в его манере строить образ, излагать события. Это влияние не может быть, не должно быть внешним. Толстой поднял на такую высоту значение русской литературы, он довел искусство слова до такого совершенства, открыл перед ним такие горизонты, что писать после Толстого уже нельзя, не думая о Толстом. Влияние его должно быть органическим, подобно тому, как органически оно преломилось в творчестве Горького.

Толстой был для Горького писателем, исторически завершающим русскую классическую литературу XIX века. Стоя у истоков новой социалистической литературы, Горький опирался на весь художественный опыт прошлого, наследуя его величайшие достижения. В ряду этих достижений Толстого занимают одно из первых мест.

Учиться у Толстого, плодотворно усваивать его наследие — это значит любить искусство так, как любил его Толстой; изучать жизнь так пристально и напряженно, как изучал ее великий писатель; работать так же неустанно и самоотверженно, как он работал над своими произведениями. Толстой — это и есть сочетание всех этих качеств, обязательных качеств полнокровного художника. «Нигде его останутся в веках, как памятник упорного труда, сделанного гением» (Горький).

боты Толстого над описанием Бородинского боя, над началом «Анны Карениной», начиная с первых вариантов 70-х годов, над 20 вариантами портретного описания Катюши Масловой и т. д.

Специальная витрина дает представление о многообразии тем и интересов огромной корреспонденции, приходившей к Толстому. В этой же витрине в частности выставлено малоизвестное письмо 18-летней Надежды Константиновны Крусской,

Л. Н. ТОЛСТОЙ Неопубликованный отрывок из «Войны и мира»

Подойдя к описанию Бородинского сражения в «Войне и мире», Толстой 25—27 сентября 1867 г., с целью детального изучения места действия своего романа, совершил поездку на Бородинское поле. Поездка эта имела для работы Толстого чрезвычайно важные результаты. Вслед за Марксом, писавшим в статье «Барклай де Толпи», что «...русской армии пришлось принять сражение на невыгодной позиции у Бородина», Толстой убедился и с несомненностью доказал в романе, что «Бородинское сражение, вследствие потери Шевардинского редута, принято было русскими на открытой, почти не укрепленной местности, с явным слабейшими силами против французов», и что оно было полной победой русских. Официальная историография утверждала обратное, и Толстой на страницах романа вступил в полемику с историками.

Публикуемый вариант рассуждений Толстого о результатах Бородинского сражения представляет собою самый ранний набросок II, III и IV глав третьей части III тома «Войны и мира». Он был написан Толстым одновременно с описанием Бородинского сражения, после поездки его в Бородино. Придавая большое значение содержанию отрывка, Толстой при дальнейшей обработке рукописи настолько расширил и изменил его, что от текста варианта почти ничего не осталось, и он был отброшен. Любопытно при этом отметить, что Толстой там, где это можно было, стремился рассуждения заменить художественными образами. Едва намеченное в Филах при дальнейшей работе было развернуто Толстым в большую самостоятельную художественную картину.

Г. ВОЛКОВ.

Бородинское сражение выиграно. Так сказалось оно в сознании его участников, так доносило оно на фельдмаршала и так осталось оно в сознании русского народа. Матвей, учащийся читать, уже знает, что Бородинское сражение есть слава русских оружия и что оно выиграно. Но все же за Бородинским сражением войска отступили и Москва отдала без нового боя, стало быть оно проиграно.

Охотник выждал минуту, остановился против разбежавшегося на него разъяренного зверя и ударил в него. Охотник знает, что он нанес смертельный удар врагу, он знает, что он победил его, но разъяренный зверь, хотя и смертельно пораженный, в своем разбеге еще раздает обесилвшегося охотника и инстинкт охотника велит ему отбегать назад, ожидая действия своего удара.

Французское нашествие получило этот смертельный удар в Бородинском сражении, и нравственное сознание превосходства — главная артерия войны, та, которая нетронутая прошла в борьбе со всей Европой, была перебита, но под влиянием силы импета! всего пройденного движения, французское войско докатилось до Москвы и там, истекая кровью и заливая свои раны почувствовало свою погибель.

Как шар, встретивший в своем разбеге другой шар, отталкивает его назад, но сам в этом толчке теряет всю свою силу, медленно прокатывается еще малое пространство, чтобы остановиться, так после Бородинского сражения откатилось назад победившее русское войско и шар французского нашествия мог докатиться только до Москвы и там бесильно остановился.

Кутузов и вся русская армия знали, что сражение выиграно в вечер 26-го числа. Кутузов так писал государю. Кутузов приказал готовиться на новый бой, чтобы добить неприятеля, потому что он знал, что враг побежден. Но в тот же вечер и на другой день стали одно за другим приходить известия о потерях несчитанных, о потери половины армии и на другой же день в 10 часов показались опять наступающий неприятель. Еще не собраны были сведения, не убраны раненые, не пополнены снаряды. Из полков оделались батальоны. Генералов не было. Половина людей не было. Надо было отступить на один переход. Кутузов хотел атаковать и вся армия хотела, но это было невозможно и шар должен был откатиться. В виду неудобства минуты нельзя было отступить на другой и на третий переход и наконец 1-го сентября армия подошла к Москве и тут вопрос об отступлении представился в новом значении. Войска остановились в позиции под Москвою. Нельзя было думать отступить Москву. Кутузов не верил в это. Когда Ермолов, посланный осмотреть позицию, сказал ему, что под Москвою нельзя драться и надо отступить, Кутузов посмотрел на него молча.

— Дай-ка руку, — сказал он и, повернув ее так, чтобы опустить его пульс, он сказал: — Ты нездоров, голубчик. Подумай, что ты говоришь.

Никто не хотел отступить в виду Москвы без боя и оставить столицу, но точно также математически верно, на столько должно было отступить после сражения русское войско, на сколько должен отбегать столкнувшийся шар, и предел этот был за Москвою, и русские должны были отступить без боя. Точно так же, как причинял отката шара на известное пространство есть тысячи и тренья, и вражеская сила, и тяготение, и препятствие воздуха и наклонность плоскости и др.лр., точно так же для того, чтобы войска без боя отступили за Москву, было миллион причин разнообразнейшей людской деятельности. Как воля Кутузова отклонилась, как песчинка к миллиону пудов, причинами отступления за Москву были и овраги, разрезывавшие нашу позицию, и упорство Беннигсена, медлительного замишавшего Москву, (нужно было, чтобы Беннигсен настоял на одном, чтобы фельдмаршал не согласился на это), и убеждения Барклая, одержимого лихорадкой и видящего все постоуто в мрачном свете, и болевшая эмигранта-француза Кросара, приехавшего из Испании и настаивавшего на даче сражения, и известие о том, что в Дрогомиловском предместьи разбила каба-

ки и войска, отступая и относя раненных, переплюются, и приезд графа Растоупина, сказавшего всем, что он зажжет Москву и миллионы, миллионы причин личных не в одних высших сферах армии, но и в низших слоях ее, которые все совпали к одному: к оставлению Москвы без боя.

Заслуга, великая заслуга Кутузова, и едва ли был в России другой человек, имевший эту заслугу, состояла в том, что он своим старческим, созерцательным умом умел видеть необходимость покорного неизбежному ходу дел, умел и любил прислушиваться к отголоску этого общего события и жертвовать своими личными чувствами для общего дела. Несмотря на то, что тайный враг его, Беннигсен, подкапывавший под него в Бородинском сражении, выбрав позицию, горячо выставлял свой русский патриотизм (которого не мог не морщась слушать Кутузов) настаивал на защите Москвы, несмотря на то, что Кутузов ясно, как день видел цель Беннигсена, в случае неудачи защиты свалить вину на Кутузова, дождавшего войска без сражения до Воробьевых гор, в случае же успеха себе приписать его, в случае же отказа очистить себя в преступлении оставления Москвы, — несмотря на это Кутузов пошупал пульс Ермолова, сказавшего ему, что надо отступить и остановившись на Поклонной горе, собрал генералов, послал их осматривать позицию и прислушивался ко всем мнениям.

Несмотря на то, что большинство отсоветывало давать сражение и на то, что в его присутствии Кросар и другие господа спорили и делали планы, как-будто фельдмаршала не было, он не позволял себе составить мнение, а сказал только выслушав все: «Ma tête, fut-elle bonne ou mauvaise, n'a qu'a s'aider d'elle même»¹ и поехал в Филя. Несмотря на то, что там он узнал от своего адъютанта, ездившего в Москву, что кабаки в Дрогомиловской разбиты, что он опытом своим был убежден, что никакие дороги, мосты и укрепления не помогут успеху дела, когда в тылу армии разбитые кабаки, он все еще не позволял себе составить мнение и создал совет.

Беннигсен открыв совет, поставил вопрос: оставить Москву без боя или защищать ее.

Кутузов поправил его, он сказал:

— Спасение России в армии. Выгоднее ли рисковать потерей армии и Москвы, приняв сражение, или отдать Москву. — Он выслушал все мнения, все руководимые личными соображениями, остановил Беннигсена воспоминанием о Фридрихе и, закрывая совет, сказал:

— Je vois que c'est moi qui paierai les pots cassés².

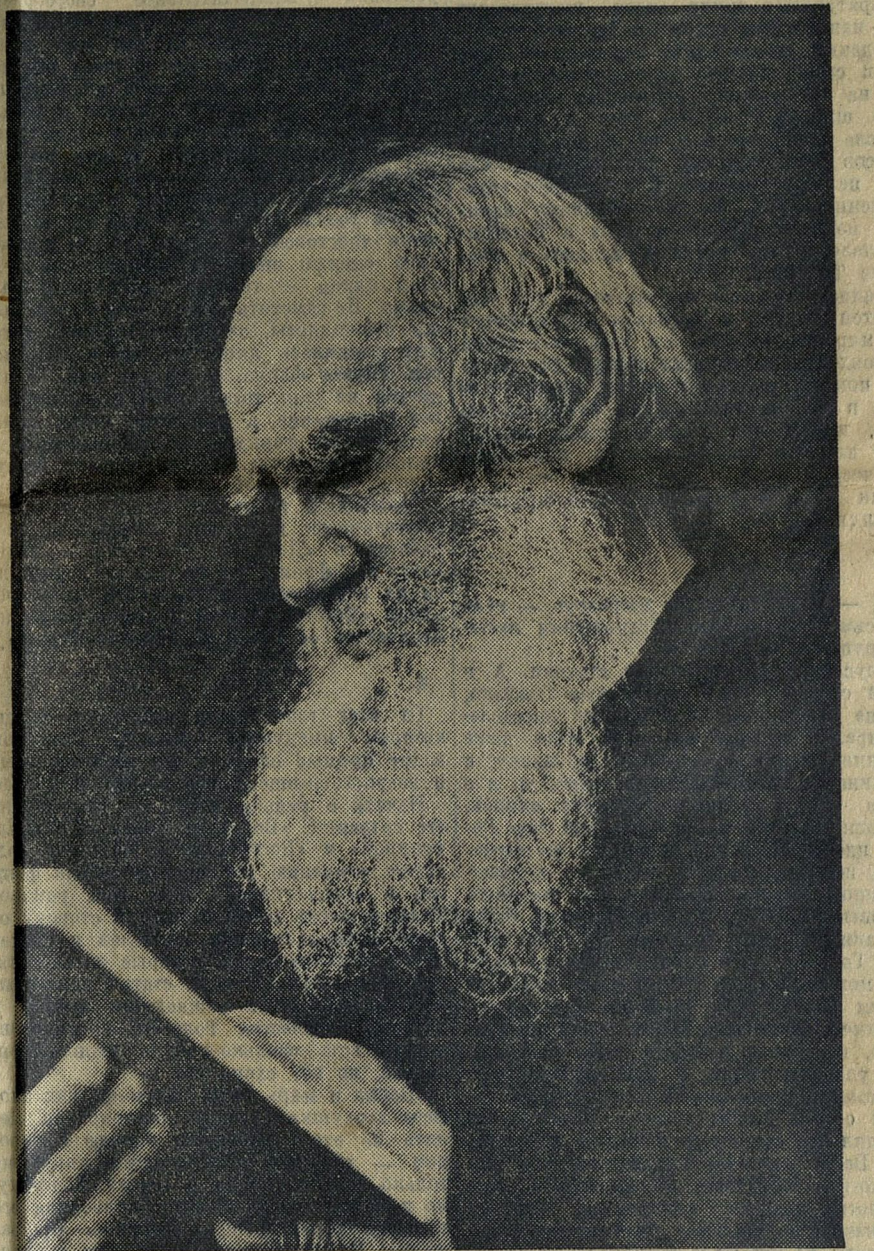
Он взвесил все суждения, все сведения, из которых кабаки в Дрогомиловской были одним из важнейших и несмотря на то, что он в эту ночь не ложился спать, всхлипывая говорил Шнейдеру, что он не жалел этого, но что он заставит их есть лошадиное мясо, ежели бог поможет, он сказал то, что должно было быть, отступить без сражения. Кутузов не мог сказать другого. Это должно было быть. Ежели бы он приказал дать сражение, то точно так же после некоторых споров, колебаний и сомнений было бы то же самое, только роль Кутузова была бы испорчена, его бы участие в общем деле было бы неправильно и его приказание противное тому, что должно совершиться, произвело бы некоторое затруднение, настолько затруднение, насколько личный произвол одного человека мог препятствовать исполнению дела, зависящего от участия миллионов людских воля, но результат был бы все тот же — Москва была бы оставлена без боя.

Разница была только в том, что ежели бы Кутузов велел дать сражение под Москвою и войска все таки отступили бы, понимание этого события было бы труднее, в особенности для тех, которые причли событий идут в воле царя и полководцев.

Заслуга Кутузова, как полководца — высшая заслуга, которую может оказать человек в его положении — состояла в том, что он понимал общий, неизбежный ход дел, покоряя ему свои личные желания.

¹ Хороша ли, дурна ли моя голова, а положиться не на кого, как на нее.

² Итак, господа, стало быть, мне платить за перебитые горшки.



Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Музей Л. Н. Толстого.

ТОЛСТОВСКИЕ ДНИ В ЛЕНИНГРАДЕ

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). 30-летие со дня смерти Л. Н. Толстого в Ленинграде отмечаются лекциями и лекциями в лектории, домах культуры и клубах. Научное заседание памяти великого русского писателя состоится 20 ноября в Институте литературы Академии наук СССР. В Русском музее организованы вечера на тему «Творчество Льва Толстого в изобразительном искусстве».

Юбилейная выставка

В Толстовском музее открывается новая юбилейная экспозиция. Она посвящена отдельным темам или произведениям писателя, как практиковалось ранее музеем, а охватывает всю его жизнь и творчество и показывает реализм Толстого, черты его как исторического романиста, как выразителя крестьянской революции, его педагогическую деятельность и т. д. Наглядно представлена творческая лаборатория писателя. Документированы в частности ра-

боты Толстого над описанием Бородинского боя, над началом «Анны Карениной», начиная с первых вариантов 70-х годов, над 20 вариантами портретного описания Катюши Масловой и т. д.

Специальная витрина дает представление о многообразии тем и интересов огромной корреспонденции, приходившей к Толстому. В этой же витрине в частности выставлено малоизвестное письмо 18-летней Надежды Константиновны Крусской,